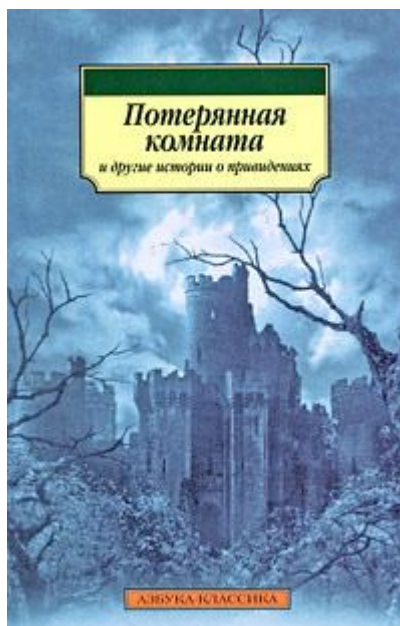


Эдмунд Митчелл Фантом озера



Эдмунд Митчелл ФАНТОМ ОЗЕРА

Я получил профессию адвоката, но жизнь библиотечного затворника мне больше по душе, а потому, имея неплохой независимый доход, я предпочитаю держаться в стороне от безумств судебных ристалищ.

Проживаю я в Лондоне, в меблированных комнатах, а когда меня там нет, то почти наверняка можно найти в Иствуд-Холле, чудесном старом доме, окруженном красивым парком, – от столицы его отделяют два-три часа пути.

Иствуд привычен мне с детства. Миссис Армитидж, бывшая его хозяйка, приходится мне тетей; она заменила мне мать, так как я рос сиротой. На двоих ее сыновей, с которыми меня разделяет около десяти лет, я всегда смотрел как на младших братьев и был к ним очень привязан. Их отец, полковник Армитидж, подхватил на службе за границей какую-то заразу, долго болел и умер, когда Чарльзу сравнялось три года, а у Нормана начал резаться первый зуб.

Когда на миссис Армитидж свалилось это несчастье, я и сам был еще ребенком. Правда, в отличие от ее сыновей, я понимал уже, что такое смерть, и убитая горем вдова, супружескому счастью которой был отпущен столь недолгий срок, находила во мне самое искреннее сочувствие и утешение, какого можно ожидать от мальчика. В тот час, когда наступил давно предрешенный конец и тетя, обняв меня за шею, отчаянно зарыдала, узы нашей родственной привязанности еще более окрепли. В последующие годы я сделался не по летам задумчив – наверное, так на меня повлияла ее подспудная печаль. Как бы то ни было, когда я повзрослел, тетка стала обращаться ко мне за советом во всем, что касалось ее детей и собственности.

Годы шли, братья тоже сделались взрослыми, я поселился в другом месте. Но мои комнаты в Иствуде всегда меня ждали, и, когда бы я ни появился, двоюродные братья и тетка радостно меня приветствовали.

И всегда за мной сохранялась роль семейного советника. Ни один важный шаг не был предпринят без моего ведома. Достаточно было и незначительного повода, чтобы меня срочно вызвали в Иствуд, и я радовался этому как предлогу прервать на время учебные и

книжные занятия. Я был свободен от оков брака и мог в любую минуту поехать, куда душа пожелает.

Мне часто вспоминается один из подобных визитов в Иствуд. На этот раз я был вызван туда по очень основательной причине. Полк, где служил Чарльз, неожиданно решили отправить в Индию, и перед отплытием брату дали краткий отпуск, чтобы попрощаться с домашними. Конечно, меня тут же вызвали телеграммой: требовалось обсудить и решить множество вопросов.

Бедная тетя очень горевала из-за предстоящей долгой разлуки с сыном. Сам же Чарльз был радостно возбужден. Рожденный для военного ремесла, он жаждал перемен и приключений. Три-четыре дня продолжались хлопоты, настал час расставания; Чарльз с матерью простились со слезами на глазах.

Мы с Норманом проводили Чарльза в Портсмут и видели, как отплывал «Малабар». Братья были очень привязаны друг к другу, бедняга Норман боялся заговорить, скрывая дрожь в голосе. Когда мы с Чарльзом в последний раз простились за руку, в его крепком пожатии ощущались любовь и благодарность. Мы следили, как отплывало судно, молодой воин в окружении своих товарищей вновь и вновь махал нам рукой с палубы. Потом мы понуро тронулись в обратный путь.

Я проводил Нормана в Иствуд и задержался на несколько дней, чтобы по мере сил успокоить изнывавшую от тревоги мать. К концу второй недели, когда я собрался в Лондон, миссис Армитидж уже вспоминала отсутствующего сына не с печалью, а с надеждой.

Миновало полгода, и Норман тоже покинул семейное гнездо: он поступил на дипломатическую службу и был откомандирован в посольство за границу. Из Индии от Чарльза регулярно поступали вести, он писал матери длинные письма, она, как мы условились, отсылала их Норману, а Норман – мне. Таким образом мы знакомились со всеми его новостями и отвечали ему почти с каждой почтой.

Наступила середина лета (Чарльз отбыл в начале того же года). Я уже больше месяца сидел в Лондоне, стояла изнурительная жара. Уже несколько дней я тосковал и не мог взяться за работу.

Однажды утром, выглянув на улицу и убедившись, что зной не спал, я не выдержал: пора было спастись с душных улиц и раскаленных тротуаров. Я отправился через зеленые поля и журчащие ручьи – в Иствуд.

Там меня ждал самый приветливый прием. Отпустив от себя обоих сыновей, миссис Армитидж грустила и скучала; когда я объявил, что пробуду не меньше двух-трех недель, она была благодарна. В тот вечер мы очень приятно провели вдвоем время за обедом, разговор шел исключительно о мальчиках и их письмах. Вскоре ожидалась почта из Индии, мы наперебой гадали, что там будет.

В начале одиннадцатого мы разошлись по спальням. Мои комнаты располагались в первом этаже бокового флигеля; там имелась застекленная дверь, выходившая на лужайку. Я распахнул створки, зажег лампу, затененную абажуром, и, подставив лоб прохладному воздуху, сел читать.

Но почему-то в тот вечер мне было не сосредоточиться на книге. В конце концов я смирился, встал, зажег сигару, потушил лампу, тихонько закрыл за собой дверь и побрел в парк.

Одно из главных украшений Иствуда – озеро; в ширину с одного берега до другого легко добросить камень, но длина со всеми поворотами превышает милю.

С этим озером у меня связаны воспоминания из раннего детства: лодки, купанье, рыбная ловля, коньки. Туда я и направил неспешные стопы. Через четверть часа я был уже на обсаженной деревьями тропе, которая следовала изгибам берега. Наконец показался лодочный сарай, расположенный у самого широкого места. Я сел на скамью, закурил сигару и предался размышлениям.

Лунные лучи серебрили поверхность озера, отчего еще больше темнели тени деревьев и одетых кустарником островков. Вдоль долины дул напоенный ароматом ветерок, едва

слышно шелестели листья, журчала у берега вода.

Преисполнившись блаженства, забыв о прошлом и равнодушный к будущему, я чувствовал себя древним лотофагом¹. Журчала вода, шелестели листья. Едва слышно донесся издали, с колокольни деревенской церкви, звон колоколов. Полную тишину ночи лишь время от времени нарушал всплеск: это форель ловила мошек.

Минул, наверное, целый час, как вдруг что-то заставило меня встрепетаться. Я подался вперед, напряженно прислушиваясь.

Странно было слышать эти звуки ночью в середине лета, однако мое привычное ухо опознало в них не что иное, как скрип льда – словно по замерзшему озеру выписывал протяженные дуги конькобежец.

Звуки ненадолго стихли, но не совсем. То же самое я слышал многократно зимними ночами, когда, опередив Чарльза и Нормана, ожидал их у лодочного сарая, пока они огибали поворот в сотне ярдов от меня. Стоило в голове промелькнуть этой мысли, как звуки сделались громче: со звоном ударялся о лед стальной конек и, глухо шурша, катился дальше.

Невольно я перевел взгляд на изгиб озера, который тонул в чернильной черноте под сенью больших деревьев. Привычное ухо ловило и распознавало все нюансы шума, сердце шепнуло: «Он прошел поворот».

И в тот же миг из тени на серебряную поверхность пулей выскочил конькобежец (обознаться было невозможно) и энергично, стремительно стал приближаться ко мне. Как зачарованный, ни о чем не думая, я следил за его изящными движениями. Вот конькобежец поравнялся с лодочным сараем. Очертания его были туманны, но я разглядел, что это молодой человек благородной осанки, в широкополой шляпе, плотно закутанный в темный плащ.

Еще чуть-чуть, и он оказался бы прямо напротив меня. Но внезапно конькобежец вскинул руки, слабо вскрикнул и словно бы ушел под воду.

Тут ветви деревьев склонились, как под ветром, мимо пронесся студеной порыв (почудилось даже, что он швырнул мне в лицо снегом), меня до костей пробрало морозом. По озеру пробежали и разбились о стены сарая мелкие волны. Потом все стихло, и, стряхнув с себя леденящий ужас, я обнаружил, что мои щеки обвеивает все тот же благоуханный летний бриз, а внизу, у самых ног, все так же мирно, еле слышно плещется вода.

Все, что я видел и слышал, представлялось настолько подлинным, что первым моим побуждением было кинуться за лодкой и плыть туда, где скрылся из виду конькобежец. Я бросился к лодочному сараю, забыв, что его, пока никто не катается, всегда держат под замком. Сообразив, что до лодки не добраться, я дал себе время подумать.

Прежде я размышлял о так называемых сверхъестественных явлениях разве что случайно и вскользь и потому в них не верил. Теперь мне пришлось признать, что происшествие этой ночи – из тех, что не снились моей философии².

Когда я отвернулся и зашагал по береговой тропинке домой, меня все еще трясло от страха. Мне всегда представлялось, что я человек довольно здравомыслящий и не подверженный причудам воображения, но тут я то и дело пугался собственной тени. И лишь добравшись до своей комнаты, я вздохнул облегченно.

Спал я беспокойно, урывками, в семь утра встал вконец разбитый. Завтрак подавали в девять. В восемь я вышел на улицу, надеясь часовой прогулкой вернуть себе бодрость.

Ненадолго я заколебался, выбирая между береговой тропой и подъездной аллеей. И

¹ ...я чувствовал себя древним лотофагом. – Лотофаги (букв. «пожиратели лотоса») – мифический мирный народ, по представлениям древних греков обитавший на северо-восточном побережье Африки. Согласно легенде, чужеземец, вкусивший пищу, приготовленную из лотоса, забывал родину, близких людей и навсегда оставался в стране лотофагов.

² ...из тех, что не снились моей философии. – Ср.: «Гораций, в мире много кой-чего, / Что вашей философии не снилось» (Шекспир. Гамлет, I, 5. – Пер. Б. Пастернака).

выбрал последнюю.

Пока я стоял у главных ворот и раздумывал, глядя на дорогу, повернуть назад или пойти дальше, со стороны деревни показалась двуколка. У ворот она остановилась, седок бросил вожжи и прыгнул на землю. Я сразу узнал деревенского почтмейстера. Он был бледен, в руке у него я заметил зловещий желтый конверт.

– Что случилось, мистер Скотт? – выдохнул я.

– Слава богу, мистер Хоторн, что я наткнулся на вас. Я сам принял телеграмму, сразу как открыл контору, и стрелой сюда.

– Что это?

Я взял у почтмейстера телеграмму и распечатал.

Послание, очень краткое, пришло из Калькутты. Автор, офицер из полка Чарльза, адресовал его миссис Армитидж. Там говорилось, что ее сын, проболев всего шесть часов, умер от лихорадки.

Это было все. «Подробности письмом», – говорилось в конце.

Сердце у меня упало. Голова пошла кругом. Потом я осознал, что за страшная на меня возложена задача. Несколько секунд мне хватило, чтобы принять решение. Я вскочил в двуколку мистера Скотта, и мы на полной скорости покатали в деревню. Я тут же отправил телеграмму Норману в Париж: «Срочно возвращайся домой. Безотлагательно».

Потом я попросил Скотта доставить меня обратно. Напоследок я ему сказал:

– Помните: ни слова миссис Армитидж, пока не вернется мистер Норман. Пусть это будет нашим с вами секретом.

К завтраку я немного опоздал. Одному Богу известно, как я вынес трапезу. Свою рассеянность и неразговорчивость я объяснил жестокой головной болью. Вернувшись к себе, я кинулся листать «Брэдшо»³. Оказалось, Нормана можно было ожидать на следующее утро в половине седьмого.

День прошел как в дурном сне, я не понимал, что делаю и говорю. Закрыться у себя в комнате я побоялся, нужно было оставаться рядом с тетушкой, а то как бы кто-нибудь в мое отсутствие не сообщил ей ненароком ужасную весть.

Я вздохнул облегченно с наступлением ночи, когда тетя ушла спать. Сам я провел ночные часы, расхаживая из угла в угол. Они тянулись бесконечно!

Но вот наступил рассвет. В пять утра я был на железнодорожной станции. Через час ко мне присоединился добряк-почтмейстер. Он просил прощения, но: «Видите ли, сэр, я не мог не прийти». Его переполняло сочувствие, и я был благодарен, что нашелся хоть один человек, с которым можно посоветоваться.

Поезд прибыл минута в минуту, на платформу выскочил Норман. Лицо у него было бледное, встревоженное.

– Что случилось, Гарри? Что-то с матушкой?

– Нет, – еле выговорил я.

– Значит, с Чарли?

Тут он узнал все.

Мы отправились в дом, за багажом взялся присмотреть мистер Скотт. Я отвел Нормана к себе, вошли мы через застекленную дверь, никто в доме не знал о его приезде.

К восьми Норман немного пришел в себя, и мы обсудили, как исполнить тяжкий долг – сообщить новость его матери.

Что происходило потом, описывать не стану. Когда миссис Армитидж вошла в гостиную, где подавали завтрак, она сразу догадалась по моему лицу, что произошло нечто ужасное. Я выдавил из себя: «Чарльз». Слава богу, Норман был рядом, и она пала на его грудь. Ей было для кого жить: у нее остался Норман.

³ ...«Брэдшо»... – «Брэдшо» (Bradshaw) – известный справочник расписания движения на всех железных дорогах Великобритании. Издавался с 1839 по 1961 г. в Манчестере (по фамилии первого издателя – картографа и печатника Джорджа Брэдшо; 1801–1853).

Лишь через несколько месяцев я рискнул заговорить с тетей о видении, которое явилось мне на озере накануне того дня, когда поступило ужасное известие о Чарльзе. С самого начала я связал в уме эти два события, однако упоминать о них боялся. Но вот пришел день, когда мы смогли спокойно и без ропота вспомнить прошлое.

Тогда-то я и услышал впервые историю «фантома озера». Она была основана на семейном предании: за несколько поколений до нас молодому владельцу Иствуд-Холла в самую ночь накануне его свадьбы вздумалось покататься на коньках. Зима выдалась морозная, лед был надежный, и друзья его не отговаривали, хотя составить ему компанию никто не захотел. Однако в тот день на озере сделали прорубь для лебедей. Несчастья никто не видел, оказать помощь было некому. Тело нашли на следующее утро, девица, собиравшаяся под венец, сошла с ума при виде своего погибшего жениха.

Отсюда пошла легенда, что, когда один из Армитиджей умирает внезапной или насильственной смертью, кто-нибудь из членов семьи непременно видит на озере призрачного конькобежца и слышит его захлебывающийся крик.

Когда полковник Армитидж поведал семейное предание супруге, они согласились, что лучше бы эта мрачная легенда канула в Лету. Сам полковник отошел в лучший мир после длительной болезни; ни о каких сверхъестественных явлениях, связанных с его смертью, не сообщалось. Один или два человека, знавших эту странную историю, помалкивали, вспоминать о ней было некому, и только сейчас она достигла моего слуха.

Время продолжало неслышными шагами двигаться вперед, миновало еще пять или шесть лет. Норман успешно делал дипломатическую карьеру, обещая в будущем стать видным государственным деятелем. Миссис Армитидж здравствовала и управляла домом. Я проводил у нее немалую часть года.

Однажды меня снова призвали в Иствуд в связи с важным семейным делом. Из Берлина возвращался Норман, чтобы вступить в брак. Выехать он собирался недели через две.

Нельзя сказать, что это была неожиданная новость, но переполоху она наделала изрядно. Все две недели ушли на подготовку к приезду Нормана (вначале одного, а затем с невестой) и к последующему знаменательному событию.

Но вот все было готово, Нормана ожидали с часу на час. В последнем письме он сообщал, что постарается выехать как можно раньше, но не знает точно, когда его отпустят со службы.

Была ранняя осень, дни стояли душные. Наслаждаться прохладой можно было только по вечерам, и я любил проводить эти часы на озере, где почти всегда дул вдоль долины ветерок. Нельзя сказать, что мне не приходили здесь печальные мысли. При виде озера я не мог не вспоминать судьбу Чарльза. Часто, когда сгущались вечерние тени, я склонялся и прислушивался, не скрипит ли лед под коньками призрака. Но ни разу ничего не слышал.

Весь день мы провели в ожидании, но последний поезд из Лондона пришел без Нормана. Мне нужно было написать несколько важных писем, и я вскоре после обеда пожелал тетке доброй ночи и ушел к себе. Трудился я до десяти. Для прогулки на лодке поздно, подумал я, однако эта утомительная жара, и к тому же я так долго водил пером по бумаге... Взяв ключи от лодочного сарая, я отправился к озеру.

Среди лодок имелась недурная гоночная гичка. Я вывел ее из сарая в намерении хорошенько размять руки. Взялся за весла, лодка полетела, за кормой потянулся, искрясь под полной луной, длинный белый след.

Быстро добравшись до дальнего конца озера, я уже не так резво погреб обратно. В конце пути, у самого лодочного сарая, я взглянул на часы. Было десять минут двенадцатого.

Я поднял весло, чтобы развернуть гичку под прямым углом к берегу и завести в сарай, но тут меня как парализовало.

Издали, на крыльях бриза, до меня долетал размеренный скрип коньков!

Похолодев от ужаса, я слушал. Звуки то затихали, то становились громче, я следовал мысленно за призрачным конькобежцем вдоль изгибов берега, мимо скоплений деревьев.

Скрип зазвучал отчетливо, он приближался, приближался немилосердно быстро.

Наконец из-за поворота показался знакомый уже конькобежец и по искрящейся поверхности воды заскользил ко мне.

На мгновение я застыл. Но наконец связь разума и мышц восстановилась, одним взмахом еще поднятого весла я развернул лодку вдоль берега, как раз на пути призрака.

Я открыл рот, но не сумел издать ни звука. Но вот, приложив все силы, я выкрикнул: «Эй! Эй!»

Эхо разнесло мой испуганный голос по долине, и я едва его узнал.

Конькобежец как будто замедлил шаг; я услышал скрежет, какой бывает при резком торможении.

В двух десятках ярдов от лодки конькобежец остановился. «Эй! Эй!» – еще раз крикнул я, забыв все остальные слова.

Призрак взглянул в меня, в мою длинную лодку, которая загораживала ему путь, медленно повернулся и покатил в обратном направлении. Он скрылся за поворотом, скрип замер вдали.

Как я выбрался на берег, рассказать не могу. Я знал, где в лодочном сарае хранится бренди, но едва сумел дрожащими руками поднести стакан ко рту. За себя я не боялся. Я думал о Нормане.

До самого рассвета я сторожил в лодочном сарае и напряженно прислушивался, но страшный скрип коньков не тревожил больше ночную тишину. Утром я проскользнул в дом.

Переодевшись, я постарался успокоиться. В шесть я был на деревенской почте; из-за меня мистер Скотт поднялся на два часа раньше обычного.

Отправив телеграмму в Берлин на адрес Нормана с вопросом, отбыл ли он в Англию, я сел ждать ответа. В глазах было темно, сердце бешено колотилось.

Через четверть часа аппарат застучал: поступила телеграмма. Не подумав о том, что вестей из Берлина ждать еще рано, я вскочил на ноги.

– Это не вам, сэр, – сказал мистер Скотт, подходя к аппарату. Я следовал за ним по пятам.

– Хотя нет, вам, – взволнованно воскликнул он и добавил: – От мистера Нормана.

Под душераздирающий стук телеграфного аппарата почтмейстер стал слово за словом читать сообщение. Оно пришло из Дувра и было послано в час ночи. В нем значилось: «Кораблекрушение в Ла-Манше. Не тревожьтесь. Жив, еду домой».

Телеграмма лежала на лондонском Главпочтамте, пока не открылась почтовая контора в Иствуде.

Схватив шляпу, я кинулся на станцию. Норман мог прибыть утренним поездом. Так и случилось. Какую же пламенную хвалу вознес я Господу, когда увидел кузена живым и здоровым!

Вскоре я узнал в общих чертах, что произошло. Норман прибыл в Кале, когда английский пакетбот только-только отчалил. Но в Дувр как раз отплывал буксир с несамоходным судном. Норман тут же сел на него, надеясь, что все же успеет на почтовый поезд из Дувра. В самом конце пути судно накрыло туманом, и вскоре на него налетел тот самый пассажирский пароход, на который Норман не успел. Мелкое судно сразу пошло ко дну, все, кто был на борту, за исключением Нормана, погибли.

Но самая удивительная часть истории еще впереди. Норману не хотелось спать, и все время пути он провел на палубе. За несколько минут до аварии он случайно глянул на часы. Было без четверти одиннадцать. Вскоре он уже барахтался в волнах, спасая свою жизнь. Он видел пакетбот, на них налетевший: не сбившись с курса при столкновении, он скрылся в туманном сумраке.

По подсчетам Нормана, он пробыл в воде не меньше получаса. Надежда оставила его, тело заоченело, сознание угасало, и тут сквозь толщу тумана до него долетел слабый оклик: «Эй! Эй!»

Самое странное было то, что он узнал мой голос, – это я звал его с той стороны водного пространства.

Обретя второе дыхание, Норман поплыл туда, откуда донесся крик, и сам попробовал меня окликнуть. Но с онемевших губ не сорвалось ни звука.

И снова мой голос прокричал: «Эй! Эй!» Ответить Норман не смог.

Дальше он помнил только, что очнулся на борту пакетбота и кто-то смачивал ему губы бренди.

Сразу после аварии с пакетбота отправили шлюпку, чтобы отыскать в тумане и спасти команду злосчастного судна. Нашелся, однако, один Норман, и то когда спасатели почти уже потеряли надежду. Они слышали плеск воды и подоспели в самую последнюю минуту. На борт его подняли бесчувственным. Вскоре его привели в сознание, и он смог сразу продолжить путь в Лондон.

Я рассказал свою историю Норману и его матери, и с этого дня они смотрели на меня как на его спасителя.

Прошли годы; когда я приезжаю в Иствуд, на колени мне карабкаются малыши, детские голоса ласково окликают: «Дядя Гарри». Миссис Армитидж (она уже очень немолода, я и сам перевалил за половину земного срока) неизменно встречает меня благословением. Норман с женой (ее тоже посвятили в эту историю) заменяют мне брата и сестру.

На озере, в том месте, где в былые века нашел свой безвременный конец молодой хозяин Иствуда, соорудили искусственный остров. Но никто из нас не упоминает больше в разговоре легенду о «фантоме озера», нам хотелось бы только одного: навсегда о нем забыть.